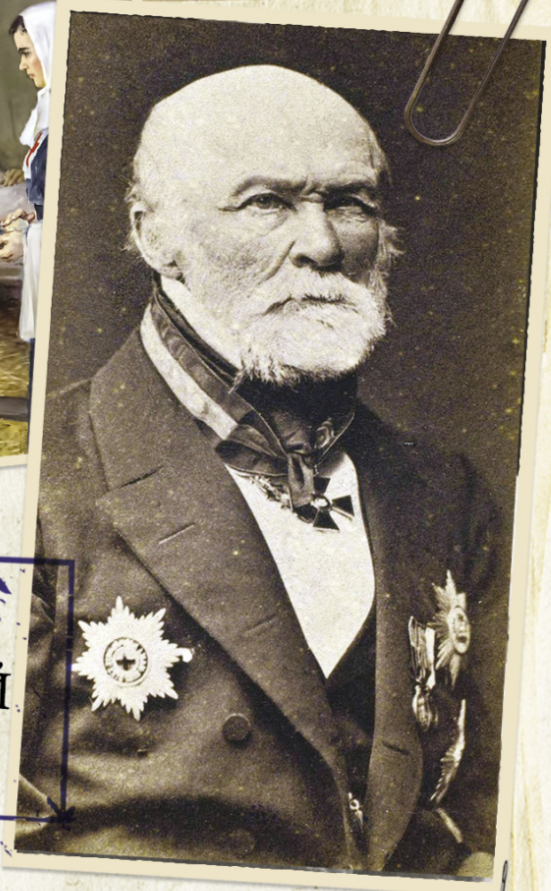

КЛАССИКА МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Николай ПИРОГОВ

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

ДНЕВНИК СТАРОГО ВРАЧА

Основоположник военной хирургии, автор топографической анатомии, позволившей хирургам возможность оперировать, нанося минимальные травмы больному. Впервые в истории русской медицины проводил операции с эфирным наркозом, а так же активно использовал в лечении раненых гипсовые повязки.

Классика медицинской литературы

Николай Пирогов

Вопросы жизни. Дневник старого врача

«Издательство АСТ»
1879–1881

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)44

Пирогов Н. И.

Вопросы жизни. Дневник старого врача / Н. И. Пирогов — «Издательство АСТ», 1879–1881 — (Классика медицинской литературы)

ISBN 978-5-17-146144-7

Николай Иванович Пирогов навсегда останется в истории русской медицины как основоположник русской школы анестезии, гениальный военно-полевой хирург и анатом. Его революционные методы спасали жизнь тысячам русских солдат на полях Крымской и Русско-турецкой войны. О нелегком пути сначала студента, а потом врача и рассказывает знаменитый хирург в своих воспоминаниях. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)44

ISBN 978-5-17-146144-7

© Пирогов Н. И., 1879–1881
© Издательство АСТ, 1879–1881

Содержание

Дневник старого врача, 6
5 ноября 1879 6
[21 ноября 1879] 10
25 декабря 11
26 декабря 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Николай Иванович Пирогов
Вопросы жизни. Дневник старого врача

Печатается в сокращении

Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой 5 ноября 1879 – 22 октября 1881

5 ноября 1879

Отчего так мало автобиографий? Отчего к ним недоверие? Верно, все согласятся со мною, что для мыслящего, любознательного человека нет предмета более достойного внимания, как знакомство с внутренним миром, бытом каждого мыслящего человека, даже и ничем не отличающегося на общественном поприще.

И вот я, для самого себя и с самим собою, хочу рассмотреть мою жизнь, подвести итоги моим стремлениям и мировоззрениям (во множественном – их было несколько) и разобрать мотивы моих действий. Стой, однако же! На первых же порах! Не притворничаю ли с самим собою? Точно ли хочу писать только*для себя*? Если я и решил, чтобы писанное о себе осталось при моей жизни необнародованным, то разве я не желал бы, чтобы оно прочиталось когда-нибудь и другими, хотя бы, например, моими детьми и знакомыми? Жена же, верно, уже прочтет. Если же я этого не хочу, то значит все-таки даю себе повод хотя перед самыми близкими людьми, да все-таки порисоваться и что-нибудь скрыть или подрумянить. Самоеду это сейчас же приходит на мысль. И это хорошо, что приходит на мысль. Как только это имеется в виду, то есть надежда и на достаточное противодействие. Ведь *самоедство* не допустит меня, чтобы я не следил за собою во время моей работы с самим собою; следя же, подмечу, а подметив, остановлюсь и не дам простору притворству и скрытности. Впрочем, я заранее знаю, что цинически откровенным я и пред самим собою не хочу быть. Чистоплотность нужна не напоказ только. Циничные поступки в жизни лучше оставить, не трогая и не подвергая анализу, – это лучше для самого себя; иначе попадешь в ретирады души и оттуда напустишь вони и в то, что искренно хотелось бы оставить чистым, как оно есть на самом деле. У нас у всех на дне души довольно грязи; если, опустившись на это дно, ее взбаламутишь, то потом сам не отличишь чистого от грязного. Но, разумеется, если цинизм и душевная нечисть были мотивами какого-либо действия, повлиявшего на всю жизнь, то поневоле не минуешь заглянуть и в ретирады.

Но способен ли я писать о себе для себя?

Опять вопрос: что нужно для этого?

Главное – откровенность с самим собою.

Наверное, я могу про себя сказать только то, что я не скрытен с собою; ведь есть люди, скрытничающие более с собою, чем с другими; я не принадлежу к ним, хотя и со мною случалось, что я открывался себе только после того, как был откровенен с другими; случалось, что, сообщая откровенно другим что-либо вслух, начинаешь как будто лучше понимать, что делается внутри тебя самого. Иногда только тогда узнаешь хорошенько, что делается у тебя, когда разговоришься о себе с другим. Иногда стыдишься себе признаться в том, что на душе, пока случайно как будто (хотя и вовсе не случайно) не расскажешь другому вдруг с какой-то циническою откровенностью вслух, что скрывал от себя.

Записки, которые веду теперь о себе, заменяют в таком случае неоткровенности с самим собою сообщение или разговор с другим; бумага заменяет другое лицо; к записке, хотя и собственной, относишься объективнее, чем к мысленной беседе с собою. Пиша, делаешься смелее

с собою и притом не даешь мысли распускаться в разные стороны и бродить; мысль при записывании превращается в нитку и ловчее тянется из мозга, чем при размышлении, без письма.

Итак, я надеюсь, ведя мои записки, быть не менее, а гораздо более откровенным с собою, чем в задушевных излияниях с другими, хотя бы и с самыми близкими к сердцу людьми.

Второе условие, чтобы быть (правдивым) истинным автобиографом для самого себя, – это хорошая память. Для беспамятного, хотя бы остроумного и здравомыслящего человека его прошедшее почти не существует. Такая личность может быть весьма глубокомысленная и даже гениальная, но едва ли она может быть неодносторонняя, и уже, во всяком случае, ясные и живые ощущения прошлых впечатлений без памяти невозможны. Но память, как я думаю, есть двух родов: одна – общая, более идеальная и мировая, другая – частная и более техническая, как память музыкальная, память цветов, чисел и т. п. Первая (общая) хотя и отвергалась иными, но она-то именно и удерживает различного рода впечатления, получаемые в течение всей жизни, и события, пережитые каждым из нас. Глубокомысленный и гениальный человек может иметь очень развитую память, не обладая почти вовсе общею памятью.

Моя память общая и в прежние годы была острая. Теперь же, в старости, как и у других, яснее представляется мне многое прошлое не только как событие, но и как ощущение, совершавшееся во мне самом, и я почти уверен, что не ошибаюсь, описывая, что и как я чувствовал и мыслил в разные периоды моей жизни. Но память для прошлых ощущений и составившихся из них убеждений, мыслей и взглядов может быть, и не есть та, которую я называю *общею памятью*. Она, может быть, так же, как и память звуков, цветов и т. п., специальная, так сказать *техническая*, и не всякий одарен ею; память собственных ощущений требует сверх того еще и культуры. Такая культура именно и рождает в нас *самоедство*. К этому, т. е. к развитию самоедства, необходимо еще и внимание, сосредоточенное на собственные ощущения и их дальнейшее развитие. Вообще, запоминается хорошо только то, на что обращено внимание. Внимательность – необходимый атрибут памяти. Но и внимание, и память не всегда сознательны; первое, впрочем, редко не сознательно, тогда как память, именно специальная (техническая), нередко, и даже зачастую, действует для нас бессознательно. Мы многое запоминаем и многому внимаем невольно и незаметно для нас самих. Нередко, вспомнив что-нибудь, удивляешься, когда успел это припомнить.

Как остаются в мозгу почти целую жизнь некоторые ощущения и воспоминания не только о прошлых событиях, но и еще и воспоминания об ощущениях, испытанных нами при давно прошедших событиях, – трудно себе представить. Мозг, как и все органы, подвержен постоянной смене вещества; атомы его тканей постоянно заменяются новыми, и нужно предположить, что атомы его, заменяясь при смене вещества другими, новыми, передают им те самые колебания, которым они подвергались при ощущении различных впечатлений. И вот мягкая мозговая мякоть ребенка, оплотневаясь и изменяясь в ее физических свойствах, продолжает задерживать отпечатки самых ранних ощущений и впечатлений и передает эти ощущения нашему сознанию в старости еще живее и яснее, чем прежде, в зрелом возрасте. Не говорит ли это в пользу моего взгляда (несколько мистического), что атомистические колебания (которые необходимо предположить при ощущениях) совершаются не в одних видимых и подверженных изменениям клеточках мозговой ткани, а в чем-то еще другом, более тонком, эфирном элементе, проникающем чрез все атомы и не подверженном органическим изменениям.

Замечательны также и бессознательные ощущения, остающиеся и не остающиеся в памяти. Наш внутренний быт составлен весь из постоянных, сознательно и бессознательно для нас беспрестанно колеблющих и волнующих нас ощущений, приносимых к нам извне и изнутри нас. С самого начала нашего бытия и до конца жизни все органы и ткани приносят к нам и удерживают в нас целую массу ощущений, получая впечатления то извне, то из собственного своего существа. Мы не ощущаем наших органов; мы, смотря на предмет, не думаем о глазе; никто в нормальном состоянии ничего не знает о своей печени и даже о беспрестанно

движущемся сердце, но ни один орган не может не приносить от себя ощущений в общий организм, составленный из этих органов. Ни один орган, как часть целого, не может не напоминать беспрестанно о своем присутствии этому целому. И вот эта вереница ощущений, извне и изнутри, без сомнения известным образом регулированных, и потому скажу лучше – свод (ensemble) ощущений и есть наше «я», в течение всего нашего земного бытия. Что такое наше «я» без этих ощущений – этого мы не можем себе представить, но и не можем не допустить возможности существования ощущающего начала без ощущений. Одно «я» основано на опыте, другое – на логике; есть и третье, основанное на верованию. Декартово cogito, ergo sum[1] может быть без ошибки заменено: sentio, ergo sum[2]; ибо слово «*ощущаю* наше “я”» можно сказать и не мысля. «Я есмь» не есть продукт мышления, а ощущения, т. е. чувства, – не мысли, – что существую. Правда, младенец, делающий первый вздох, вышед на свет, не говорит еще: *я существую*, хотя, без сомнения, ощущает, вбирая в себя впервые воздух, нечто для него новое; но более сознательное чувство существования, приходящее к ребенку постепенно, без сомнения, не есть продукт мышления, а более регулированное и окрепшее ощущение, приносимое извне и изнутри его органами.

Рассматривая мою жизнь, я опишу несколько мировоззрений, которым я следовал, останавливаясь на них более или менее продолжительное время; полагаю, что мне удастся также выяснить для себя и то, почему я принимал их и следовал им; теперь же постараюсь уяснить себе то мировоззрение, на котором я, как кажется, уже окончательно остановился; приведу покуда только часть моего настоящего мировоззрения, относящегося до моего взгляда на основы нашего бытия.

Остановиться мыслию на вечно движущихся и вечно существовавших атомах я не могу теперь, хотя и мог прежде. Мой ум впадает в безысходное положение в обоих случаях, то есть когда он хочет себе представить эти атомы бесконечно делимыми и бесформенными или же ограниченными и имеющими известный вид. Бесконечно делимое, движущееся и бесформенное*само по себе как-то случайно* делается ограниченным, оформленным и спокойным: это так несовместимо в моем уме, что я не могу на нем остановиться. Мне невозможно также остановиться на атомах, размельченных в какие-то крупинки, шарики, математические точки и т. п. Если вся Вселенная переполнена этими непроницаемыми, т. е. сохраняющими главное свойство вещества, атомами, – и между тем они должны находиться в беспрестанном движении, то где же, в чем и как совершается их движение? Мой слабый ум, производя свой анализ вещества, деля и разлагая его атомы, никак не может на них остановиться и незаметно, невольно переходит от них в конце концов к чему-то другому, имеющему все отрицательные свойства материи; мой умственный анализ роковым образом приходит к необходимости принять вне атомов нечто проницаемое и все и всюду проникающее, неделимое, бесформенное, вечно движущееся и именно этими своими свойствами сообщающее, движущее, скопляющее, рассеивающее атомы, образующее тем формы вещества и, само проникая в них и чрез них, принимающее (так сказать, укладываясь в них) на себя, хотя бы и временно, тот или другой вид, смотря по тому, в какую и чрез какую форму материи оно проникает.

Перенося мой анализ на органические вещества и на самого себя, я невольно спрашиваю себя: откуда могла взяться способность органического мира ощущать и сознавать свое бытие? Основные его атомы, как бы я их себе ни представлял, останутся для меня все-таки бесконечно делимыми, непроницаемыми и т. п., то есть имеющими такие свойства, которые не объясняют мне их способности ощущать и сознавать себя; необходимо будет допустить, что от века веков существуют и атомы, одаренные этими свойствами, и своим скоплением в одно целое образу-

[1] Я мыслю, следовательно, я существую (*лат*).

[2] Я ощущаю, следовательно, я существую (*лат*).

ющие, чувствующие и сознающие свое существование организмы. Мой ум не допускает, чтобы одна группировка атомов в известные формы (как, например, мозговые клеточки) могла их сделать, eo ipso[3], способными ощущать, хотеть и сознавать, если бы в них не была вложена способность к ощущению и сознанию.

Вот это основное начало – этот-то элемент чувства, воли и сознания, самый основной бытия, – начало, без которого мир не существовал бы для нас, – мой умственный анализ и отыскивает за пределами атомов, – в том, что он по необходимости признает существующим вне их и имеющим отрицательные, т. е. противоположные атомистическим, свойства, без которых и положительные свойства материи для нас были бы несуществующими.

Это отвлеченное, как и самые атомы, произведение умственного анализа, основанное на природной способности ума переносить свои функции вне себя, должно содержать в себе и самое главное отрицательное свойство вещественных атомов – самостоятельное жизненное начало с его главным атрибутом: способностью к ощущению и самосознанию, не таким, конечно, которым одарены мы.

Я представляю себе – нет, это не представление, а греза – и вот мне грезится беспредельный, беспрерывно зыблющийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себе всю Вселенную, проникающий все ее атомы, беспрерывно группирующий их, снова разлагающий их сочетания и агрегаты и приспособляющий их к различным целям бытия.

К какому бы разряду моих ограниченных представлений я ни отнес этот источник ощущения и ощущающего себя бытия – к разряду ли сил или бесконечно утонченного вещества, он для меня все-таки представляет нечто независимое и отличное от той материи, которая известна нам по своим чувственным (подлежащим чувственному исследованию) свойствам. У меня нет других средств к исследованию этого источника ощущения и моего сознательного бытия, как полученная мною из этого же источника способность ощущения. А расследовать и познать что-либо вполне мы можем только тогда, когда станем выше познаваемого. Но свойство нашего ума искать цели и целесообразности не может не видеть целесообразности в проявлениях жизни. Нет ничего целесообразного, придуманного нашим умом, что не обреталось бы готовым, так сказать, в окружающем нас мире. Напрасно говорят, что организм наш есть машина; наоборот, каждая придуманная нами машина есть не что другое, как сколок с существующих уже в природе и в нашем организме приборов и снарядов.

Все органическое в природе тем и поразительно для нас, что в нем начало или сила жизни приспособила все механические и химические процессы к известным целям бытия. Если же ум наш не может не найти целесообразности в проявлениях жизни и творчества различных типов по определенным формам, то этот же ум не может в этом не видеть самого себя – то есть видеть разумное; и вот наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный разум, управляющий океаном жизни.

[3] Этим самым (*лат.*).

[21 ноября 1879]

Я начал писать мои записки 5-го ноября 1879 года и сегодня, 21-го ноября, опять принимаюсь, после промежутка в несколько дней.

Пишу для себя и не прочитываю, до поры до времени, писанного. Поэтому найдется немало повторений, недомолвок; найдутся и противоречия, и непоследовательности. Если я начну исправлять все это, то это было бы знаком, что я пишу для других.

Я признаюсь сам себе, что вовсе не желаю сохранять навсегда мои записки под спудом; те, однако же, лица, которым когда-нибудь будет интересно познакомиться с моим внутренним бытом, не побрезгают и моими повторениями: они, верно, захотят узнать меня таким, каков я есть, с моими противоречиями и непоследовательностями.

Да, жизнь – это для меня понятие коллективное. Это я уже сказал; жизнь – это осмысленная, безгранично действующая сила, управляющая всеми свойствами вещества (то есть его силами), стремясь притом непрерывно к достижению известной цели: осуществлению и поддержке бытия.

Простое описательное эмпирическое определение жизни, данное Биша[4] и другими, также довольно верно: по этому определению жизнь сводится на собрание отправлений – ensemble des fonctions, противодействующих смерти – qui resistent a la mort.

Действительно, в живом организме, как и во всем живом мире, все отправления, все функции направлены к тому, чтобы сохранить бытие и противодействовать разрушению; ошибка, или лучше, недомолвка этого определения, только в том, что не отправления организма сами по себе стремятся и более или менее достигают этой цели, а другое, руководящее их начало, эмпирическое, осмысленное, то есть стремящееся к цели и делающее все функции организма целесообразными, – сила жизни.

Все механические действия органических снарядов и приборов, все химические процессы, весь процесс развития в организме – все целесообразно, везде мысль, план и стремление осуществить, сохранить и поддержать бытие. Механизм устройства органов, химизм различных функций и т. п. – все это чем более расследуется и чем более подвергается чувственному анализу, тем яснее обнаруживаются в замысловатости устройства целесообразность и причинность, но то, что направляет механические и химические процессы организма к цели, то остается и останется для нас сущим и первобытным, хотя и сокровенным для чувственного представления.

[4] М.-Ф. Биша (1771–1802) – французский анатом и физиолог, автор учения о тканях человеческого тела.

25 декабря

Рождество Христово. Не писал дневника несколько дней, но зато на моих утренних прогулках по имению старался привести в порядок и ясность для себя мои понятия о начале жизни.

Я должен привести себе в ясность, насколько я материалист; эта кличка мне не по нутру, как Гессен-Кассельскому герцогу, который никак не мог терпеть, чтобы его гессенского профессора Либиха[5] считали материалистом. «Sein Vater war Materialist (т. е. аптекарь), nicht er»[6], – говорил герцог обвинителям Либиха в материализме.

Но что за дело до клички? Главное – сделать для себя ясным свое мировоззрение. Если я только не слукавлю пред Богом и моей собственной совестью, излагая мое мировоззрение, то дела нет – буду ли я материалист или глупец в отношении к другим.

Я изменил себе и прочитал написанное несколько дней назад. Прочитав, вижу, что к понятиям о беспредельном, к которым я отношу пространство, время, силу и жизнь, я отнес и понятие о веществе. Откровенно сознаюсь, что вещество мне кажется таким же беспредельным, как пространство, время, сила и жизнь. Мне кажется, то есть моему воображению не представляется невозможным, что вещество могло бы перейти в силу и сила – в вещество. Сила должна быть бесформенна, но и материя в крайних ее пределах едва ли мыслима с сохранением формы. И жизненное начало, как сила, как нечто беспредельное и бесформенное в моем представлении, должно иметь свойства силы, переходить в материальные атомы, подобно тому, как допускается возможность перехода туманных пятен мирового эфира в небесные тела. Сравнение, правда, самое грубое. Тут переход вещества в вещество, следовательно, одно видоизменение. А переход силы в вещество! Это что? Ахинея? Но ведь сила не ничто, и, рассматриваемая мышлением отдельно от вещества, она есть нечто отличное от материи, хотя бы только и отрицательными свойствами. Только одно понятие о Боге, или – у атеистов – понятие о мире (их Боге), может быть понятием без отрицания; все другое на свете, понимаемое или представляемое нами, должно иметь и собственное свое отрицание в нашем уме.

Понятие о беспредельном пространстве имеет свое отрицание в измеряемых и оформленных предметах; понятие о бесконечности времени отрицается часами и минутами; для жизни служит отрицанием смерть; даже для уяснения одного из свойств Божеской натуры – добра – сделался необходимым дьявол. Потому и понятие о веществе вызвало в уме представление о противоположном начале – силе; без нее, без ее антагонистических веществу атрибутов, самое вещество с его инерциею и другими свойствами было бы немыслимо. Но отрицательное (то есть не материальное) свойство силы можно и для более ясного представления нужно перевести в положительное, приняв за исходную точку главный атрибут силы – действие и движение. И действительно, с моим представлением безграничного пространства и времени соединяется и представление о движении; время – это отвлеченное движение в пространстве, то есть сила, действующая в пространстве и своим действием приводящая себя в вещество. Могу ли я требовать, чтобы представления мои о таких отвлеченных предметах были ясны и отчетливы, как чувственные факты? – ведь и о самых наглядных вещах нередко имеешь одно смутное представление. Следует ли из того, что мне представляется неясным, заключить, что это темное представление ложно и бессмысленно? Не бывают ли, напротив, именно галлюцинации, то есть призраки, весьма ясны и неоспоримы для галлюцинирующих? Известно, что при неясности представлений мы прибегаем к сравнениям.

---

[5] Ю. Либих (1803–1873) – немецкий химик, явился реформатором в области органической, физиологической и сельскохозяйственной химии.

[6] Не он, а его отец был материалистом (*нем.*).

И вот мне кажется, что в моем понятии жизненное начало ни с чем не может быть так сравнено, как с светом. Источник света хотя и известен нам фактически, но расстояние его от нас так далеко и действия его на нас и все окружающее нас так многочисленны и разнообразны, что мы в обыкновенной жизни называем, без дальнейшего размышления, свойствами тел – свойства света. Мы говорим и думаем, что тот или другой цвет принадлежит не солнечным лучам, а тому или другому телу, хотя это тело потому только цветное, что атомы его задерживают, отражают или преломляют лучи света. Лучи же света могут достигать до нас и быть видимыми нами, может быть, целые века после того, как источник их света уже давно погас. Колебания светового эфира, чего-то непохожего на вещество, способного проникать чрез вещества, непроницаемые для всякой другой материи, и вместе с тем сообщающего им новые свойства, мне кажутся подходящими для сравнения с действиями жизненного начала.

26 декабря

Беседа с самим собою заманчива. Как я ни убежден, что мне не удастся уяснить себе вполне мое мировоззрение, но самая попытка уяснения заключает уже в себе какую-то прелесть.

Погода все время изменяется: NWH NNW, иногда переходящие SO. Температура между –5–6° и +2° R.

Да, мозг представляется мне подобным стеклянной призме, имеющей свойство разлагать луч света и преломлять его. Если бы я не боялся насмешки над самим собою за фантазерство, я бы назвал мозг призмою мирового ума; воспринимать и пропускать чрез себя колебания или действия этой мировой силы было бы функциею мозга, если бы сравнение мое было верно. Но, ставя себя на точку зрения материалиста-эмпирика, я вижу непроходимую пропасть между моим сравнением и тем воззрением, к которому неминуемо приводит – на первых порах и, так сказать, сгоряча, – скептицизм эмпирии. Не говоря уже о том, что comparaison n'est pas raison[7], есть ли, спрашивается, для эмпирика хотя малейший смысл в употребленных мною выражениях, как: колебания силы, мировой ум без мирового мозга, сила без вещества, жизненное начало вне организма? Что это, с точки зрения эмпирика, как не идеологический набор слов?

Да, согласен, помирить чистый эмпиризм с существованием силы вне материи, мысли вне мозга, жизненного начала вне органических тел немыслимо. Это contradictio in adjecto[8]

[7] Сравнение – это не доказательство (*франц.*).

[8] Внутреннее противоречие (*лат*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.